

Ольга Иженякова
**ВЕЛИКАЯ
СИЛА МОЛИТВЫ**

*Рассказы о святых
и верующих*

Рассказы о святых и верующих

Ольга Иженякова

Великая сила молитвы

«Издательство АСТ»

2015

Иженякова О. П.

Великая сила молитвы / О. П. Иженякова — «Издательство АСТ», 2015 — (Рассказы о святых и верующих)

В книге «Великая сила молитвы» собраны истории людей, которые приходили к Богу, каждый своим неповторимым путем. В ярком современном мире, полном земных и маловажных вещей и событий, бывает сложно не сойти с узкой тропинки светлой веры, которая лишь по прошествии времени покажется широкой.

© Иженякова О. П., 2015

© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Вместо предисловия	5
Часть первая	6
На пути к Святой Руси	6
Голуби	11
Язык войны	13
Святитель Николай	15
Бездна для девочки	16
Колесо	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Иженякова

Великая сила молитвы

Вместо предисловия

«Веруйте в свет, да будете сынами света».
(Ин. 12:36)

Как-то в Оптиной пустыни после вечернего правила, когда уже прозвенел колокольчик ко сну, мы с послушницами шепотом стали делиться, кто и зачем приехал в монастырь. Одна поблагодарить Бога за удачно проведенную операцию, в превосходный результат которой, оказывается, не верили даже врачи, но стоило искренне попросить в молитве, дать обет, и вот – здорова. Вторая за советом к духовному отцу – стоит ли менять место работы? Она – единственный кормилец в семье, вопрос неспроста. Третья, что отдохнуть и набраться сил, делится: «После жизни в монастыре я чувствую себя как младенец». Соскучилась настолько по Оптиной пустыни, что, когда в переполненной маршрутке рядом зазвонил мобильник пасхальным звоном, тут же решила – надо ехать. Четвертой нужно принять жизненно важное решение. В их городе четыре шахты, местами началось проседание грунта, многие жители, у которых есть родственники в других местах, давно уехали. Власти советуют сохранять спокойствие. Что делать?

Любому верующему понятно, совета и помощи нужно просить только у Бога. Того, кто дал нам жизнь. Он даст и силы, и средства к ее спасению. В свете веры свои законы, постигая их, открываешь удивительный и чистый мир любви и счастья, побед и поражений, подлинный смысл которых обычно становится понятным позже. Ты чувствуешь в себе силу Божией благодати и на опыте познаешь – Богу возможно все.

Однажды мне довелось трудиться в монастырской теплице. Бережно снимая с кустов тяжелые помидоры, я предположила, сколько «химии» в них вложено, на что монах мне терпеливо перечислил молитвы, которые читают при посадке, поливе, прополке... всегда. Из-за такой «подкормки» овощи отличаются неповторимым, давно забытым вкусом, привычным, наверное, для Адама и Евы. Соприкоснувшись с атмосферой духовной жизни, на законы естествознания смотришь по-другому и понимаешь древнюю истину – если в жизни на первом месте Бог, то все остальное на своих местах.

В этой книге я собрала истории людей, которые, как и я, приходили к Богу путем проб и ошибок, на своем опыте постигая слова Евангелия.

Часть первая

«Твой есмь аз, спаси мя».
(Пс. 118:94)

На пути к Святой Руси

Той весной пасхальное поздравление от старца Илия опоздало. Стояло обычное весеннее воскресенье, мы с сыном причастились, приехали домой, попили чаю, и непоседа тут же умчался на улицу с мячом под мышкой. Спустя какое-то время мы с домашними тоже вышли во двор, как раз облетал цвет яблони, и хотелось дышать новым временем года. Я, проходя мимо почтового ящика, машинально сунула руку в поисках корреспонденции, и, нащупав тоненький конверт, тут же, не разглядывая, положила его в карман. Внизу, сидя на скамейке посреди торжествующей весны, меня ждали. Соседка, подслеповатая пенсионерка баба Аня ни один рассказ без меня не начинала. А как она умела рассказывать! В ее речах библейские персонажи оживали, совершали эпохальные поступки, пересказывали друг другу сны и видения. Говорила и про свою молодость, которую, по ее выражению, «прошла снохой в чужом доме». Помнила она, как церковь в их селе затапливали, бойкие комсомольцы специально плотину в нужном месте открыли, а вода ринулась совсем в другую сторону – колхозных полей, в церквушку с заколоченными окнами не хотела течь. Не знали разрушители, что когда храм освящается, Господь посылает ангела-хранителя, который находится при нем непрестанно, без разницы, есть стены или нет. Вот если бы духовными очами взглянуть на Русь и посчитать, сколько монастырей, церквей и часовен разрушено, а ангелы их охраняют денно и ночью, и за все, за каждый кирпичик, попросить прощения у Боженьки. Тогда, по словам бабы Ани, Господь бы послал такую благодать, что «одним махом возродилась бы русская деревня, люди бы вспахали заброшенные пашни, и наше государство расцвело бы в радости и изобилии, как при царе». Заслушаешься.

На этой благостной ноте я боковым зрением замечаю, как откуда-то из-за гаражей двое пацанов выносят моего сына. Первая мысль – это игра, мало ли странных игр у нынешних школьников. Впрочем, в пору моего детства и юности тоже, случалось, дурили. Смотрю внимательно на мальчиков, нет, на игру не похоже, лица предельно серьезны и сосредоточены, даже грустные. А сын, судя по закрытым глазам, стонет от боли.

– Что стоите? Вызывайте «Скорую» быстро! Он весь поломан!

Когда нас везли по городу с мигалкой, я не могла молиться, сил не было. Страх и ужас вырвались только в одно: «Почему?»

А потом, поникшая, я сидела под дверями операционной и вдруг позвонили мама издалека и двоюродный брат. Какая-то невидимая сила сообщила им причину беспокойства, они тут же попросили позвать ребенка, я промямлила, что не могу, он спит...

– Спит? – удивленно переспросили через четыре тысячи километров. Во всех характеристиках сына есть такое слово «гипер-активный». Родные, заподозрив неладное, еще несколько раз поинтересовались, все ли в порядке. Я повторила: все. Не хотелось говорить о постигшем несчастье. Оно выглядело неестественным. Врачи, мигалки, каталки – они из другой жизни, не нашей, а у нас: цветущие яблони, скамейка, усыпанная лепестками...

Правды я тогда не знала, а она оказалась такой: сломаны обе ноги, серьезно повреждена лодыжка и порваны все (!) связки. Часа четыре врачи возились, а после вывезли на каталке наполовину загипсованного человека с чужим выражением лица. Я пошла за медсестрой в палату, присела на краешек кровати, и снова стало сверлить навязчивое «Почему?» Судя по

тому, что со мной медики говорить не хотели, дела плохи. В коридоре я спросила у главного хирурга, успела задать один-единственный вопрос: «Сын ходить будет?»

– Возможно, – ответил он и зашел в ординаторскую.

Я погладила гипсовые бугорки, под которыми были колени, и тихо заплакала. Если бы мне сейчас предложили с сыном поменяться местами, я, не раздумывая, согласилась бы. А бездвижная юность – это, ну, не знаю...

Сунув руку в карман в поисках носового платка, нашла там конверт с поздравлением, такие старец перед Рождеством и Пасхой ежегодно посылает всем духовным чадам. Батюшка Илий написал:

«Дорогая о Господе Ольга. Печать с кусто-диею двадцать столетий желает неизменно хранить Гроб Господень, но не уберет самовластной силы Божества. Благодатный огонь накануне самой Пасхи каждый год свидетельствует, что было и есть Воскресение Христово. Пробивая толщу времен и тьму земной жизни, Воскресение Христово каждый год нам свидетельствует, что Христос Воскрес. В этом победа жизни открыла путь всякой плоти, совоскресив ее с собою.

Христос Воскрес и безнадежность смерти сокрушена. И сила смерти уже истощилась, и звучит благовест о воскресении и о жизни, он звучит праздничным победным звоном колоколов, пробуждая охладевшие души к жизни.

Дорогие возлюбленные, утвердим в сердцах пасхальный зов Воскресения, чтобы обильнее и дружнее воскресала наша Святая Русь к вере и благочестию, чтобы победить власть лжи, греха, тьмы».

Я посмотрела на часы, по прогнозам врачей, сын должен был еще полтора-два часа спать; чтобы куда-то себя деть, я тихо выскользнула из палаты и направилась в храм.

В церкви, где утром поздравляли нас с причастием, в обед отказывались верить в постигшее несчастье. Служащие собрались вокруг меня и предлагали помощь, кто-то инвалидное кресло, кто-то сорокоуст о здравии, а одна бабушка, услышав наш разговор, вспомнила, что у нас есть святой, которому молятся «персонально» при болезнях ног. Меня тогда очень смутило это «персонально», но водосвятный молебен Симеону Верхотурскому тут же заказала и отстояла, как положено. Благо подоспевший священник, узнав о беде, согласился отслужить его без промедления.

А потом водой с молебна брызгала гипс на ногах и плакала, про себя молилась Симеону, Николаю Чудотворцу и просто всем святым. Информацию о Верхотурском праведнике я нашла в Интернете, не будь этой Всемирной паутины, вряд ли бы я в полной мере открыла тогда для себя столь богоугодную личность. А пока – черно-белая икона на принтерной бумаге, закрепленная по углам кнопками, висела у изголовья больного и вселяла чувство радости. В самом деле, много ли мы знаем святых, которых бы изображали на фоне реки и леса? Мы тогда трактовали это так: «Значит, Симеон, вымолит у Бога здоровья для ног, чтобы ходить в лес по грибы-ягоды, купаться и ловить рыбу».

В общем, безоговорочно верилось в это.

Сейчас за давностью хронологии не припомню, но уже девятого мая сын маршировал в колонне с флагом, а в конце месяца возобновил игру в футбол и даже попросил купить новый мяч, а то «из этого уже вырос». Когда мы пришли сдавать костыли сестре-хозяйке, она, выслушав наш рассказ, имя небесного заступника записала на коробке стирального порошка со словами: «Мне самой ой как надо».

Заинтересованная, я стала собирать сведения о дивном заступнике Божьем и выяснила вот что.

Архивные источники о Симеоне Верхотурском говорят так: «Году в 1620 от Рождества Христова, верстах в пятидесяти от Верхотурья – крепости на Государевой Бабиновской дороге,

поставил Меркуша Федотов избу. За пять лет выросла из одной избы Меркушина в десятка полтора дворов.

В то время прибавился в поселении еще один житель, именем Симеон. Новый поселенец пашни под посев не готовил, лес на избу не рубил, работать на пристань не ходил. А вот в храме Божьем, что стоял на погосте, бывал повседневно и прилежно. Оказывал ближним чрезвычайное послушание и любовь. Жил он ловлей рыбы и шитьем шуб для крестьян и всегда старался «питать других от трудов своих».

Был Симеон знатного рода, в грамоте горазд, но с раннего возраста почувствовал отвращение от житейских благ и треволнений, начал стремиться к богомыслию и душеполезным подвигам.

Праведный Симеон преставился в тридцать с небольшим лет и был погребен у церкви Архистратига Михаила. Недолгая жизнь Симеона послужила примером для благочестивых христиан. А через пятьдесят лет после смерти праведника в 1692 году его гроб стал «восходить от земли», а останки были обнаружены нетленными. Рядом забил родник. К нему потянулись паломники, и началась череда исцелений. Особенно благоволил Симеон к страждущим болезнями ног, почти все они получали исцеление. Вскоре его мощи торжественным ходом были перенесены из села Меркушино в Верхотурье, где покоятся и ныне. И приезжают сюда люди из самых отдаленных уголков России.

В качестве примера приведу один из откликов.

Москвич Виктор:

«В 1993 году осенью во время беседы с жителем Екатеринбурга Александром, когда он стал рассказывать о верхотурском монастыре и о мощах праведного Симеона, я, будучи неверующим и некрещеным, посмеялся в душе над его рассказом и практически сразу же забыл о происшедшем. Но не забывает Господь, промышляя о нас и устраивая все полезное к нашему спасению. На следующий 1994 год милостью Божией Петровским постом я принял таинство Святого Крещения, а 24 сентября у меня заболело левое колено. Я не придавал этому значения, подумав, что это растяжение, с которым был знаком по занятиям спортом, применил обычный курс лечения. Но мои усилия оказались тщетными: колено горело внутри огнем, который то немного затихал, то усиливался.

В ноябре я познакомился с заштатным батюшкой Иоанном Гордеевым, полвека простоявшим у престола и в конце восьмидесятых годов принявшим монашеский постриг в честь праведного Симеона Верхотурского. Батюшка просто подошел ко мне в храме и сказал, что я должен ему помогать. Впоследствии он сам удивлялся этому обстоятельству, так как всегда был осторожен с незнакомыми людьми. И вот с декабря я стал жить и келейничать у отца Симеона.

Приближалась весна, и однажды батюшка мне сказал: «Я очень почитаю святого праведного Симеона, а я уже старый, и мне нужно поехать приложиться к мощам, ты поедешь меня сопровождать». «Там, может, и нога твоя пройдет», – добавил он. Деньги на поездку у меня были, и я тут же согласился. В то время я уже узнал, что этому святому молятся при болезнях ног, но житие его мне не попадалось, а батюшка только обещал поискать у себя книжку. И вот в канун нашего отъезда на территорию храма, в котором я работал сторожем, кто-то из распространителей бросил пачку свежей «Православной газеты». Принеся ее в сторожку, я принялся читать, и каково же было мое удивление, когда на развороте увидел большую статью о святом праведном Симеоне с житием и описанием различных чудес, о Верхотурье. К сожалению, эта газета не сохранилась. На следующий день мы выехали в Верхотурье. Надо сказать, что я уже верил в Бога, но к чудесам относился с недоверием, считая, что это достояние давно минувших дней, и поэтому специально о своем выздоровлении не молился. И вот Всемилоостивый Господь представил случай утвердить меня в Своей Правде по слову Своему, дабы был я не неверен, но верен.

После непродолжительного отдыха в монастырской келье в десятом часу, уже в сопровождении иеродиакона, мы направились в храм к мощам святого праведного Симеона. Братия в этот день находилась на сельхозработах, и службы в монастыре не было. Войдя в храм северной дверью, я испытал чувство, которое невозможно описать. Что испытал бы человек, если бы его из современной городской суеты в мгновение перенесли на лазурный юг и окунули бы в нежнейшие воды августовского моря? И это были бы ощущения гораздо более тусклые, потому что я оказался в Раю. Солнце как будто играло в храме, а в воздухе чувствовалось присутствие ангелов. Но хотя ум мой дивился, сердце оставалось глухо.

Тем временем мы подошли к раке праведника, мощи были открыты, и мы стали прикладываться к ним. И вот когда очередь дошла до меня, я прикоснулся губами к Честной Главе и почувствовал в этот момент движение в колене, как будто мой сустав повернули и поставили на место. Я подивился этому и опять остался глух.

Началось пение акафиста, после которого мы еще раз приложились к мощам и вышли из храма.

Оставив своего старца погреться на солнце возле дома отца наместника, я отпросился осмотреть территорию монастыря. И, обходя вокруг Крестовоздвиженского собора, вдруг поймал себя на том, что нога моя не болит! Нет, боль не утихла, как бывало раньше, а просто исчезла. Чудо стало очевидным, но сердце... О, это окаменелое нечувствие!

В тот же день мы уехали из монастыря и два дня пробыли в Перми у бабушкиных знакомых. И вот перед отъездом у меня опять заболела нога. Я был разочарован – конец чудесам. Перед Москвой, когда вещи уже были сложены, я лежал на верхней полке в ожидании прибытия поезда и размышлял обо всем происшедшем. И вдруг вспомнил тот давний разговор, когда я по своему неверию посмеялся над праведником. В тот же момент нога моя перестала болеть. Наконец-то я уразумел милосердие Божие, которое «каждому грешнику хочет спастись и в разум истины прийти». И как стыдно мне было за мое неверие, за неблагодарность! Я сразу же дал обет, что съезжу еще раз в Верхотурье, чтобы поблагодарить святого праведного Симеона за исцеление, что и исполнил вскоре.

Дивен Бог во святых своих, долготерпелив и многомилостив!»

Прочитав столь удивительные слова, через год после быстрого и абсолютного выздоровления поехали и мы с сыном в Верхотурье – в Свято-Николаевский мужской монастырь. В величественном храме, где почивают мощи праведника, был отслужен Благодарственный молебен Спасителю.

А мы после богослужения напросились на послушание. Нас определили в трапезную чистить рыбу. Глядя на чаны с большой, величиной с руку взрослого человека горбушу, меня охватил страх – а справимся ли?

– Справитесь, справитесь, – вздохнул молодой повар Николай. – Бабушка Симеон здесь всем помогает, – и добавил – Часа за три успеете.

В это поверить трудно, но мы действительно управились, и когда к назначенному сроку Николай пришел смотреть нашу работу, цокнул языком и пожурил, что ж вы, мол, скрывали, профессионально ведь владеете мастерством, вон как лихо разрубили, обстругали, не каждый заправский кок на корабле так сможет!

В ответ я пролепетала, что вообще-то первый раз в жизни чистила рыбу, а про сына и речи нету – он еще школьник, который тут же виновато добавил:

– Не умею я чистить рыбу, совсем...

Мне кажется, повар так и не поверил в наше дилетантство. Но впереди был еще один сюрприз. Симеон Верхотурский, как я теперь понимаю, прозревая будущее, решил нас избавить от страсти, склонности к которой тогда не было, но, собственно, и отвращения тоже, а это верный признак возможного приятя.

Гостеприимный монастырь мы решили покидать вечером, поезд у нас был под утро, а транспорта, который бы довез нас в темное время суток от святой обители до вокзала, не было. Справедливости ради надо заметить, там и днем не так просто добраться. Ночь мы решили коротать в зале ожидания. На небе высыпали звезды, пахло черемухой и совсем не хотелось отправляться в обратный путь. Но стоило расположиться на лавках и задремать, как внезапно ударил мороз. Холод стал пробирать до самого основания. Окошко кассира оказалось закрыто, света нет, и вдруг обнаружилось, что мы в зале одни...

Теплые вещи, взятые с собой, не спасали. Батареи холодные, отопительный сезон закончен, если он в Верхотурье в принципе был... Пытка холодом стала невыносимой. Мы растирали руки, прыгали, приседали. Толку – ноль. А мороз между тем крепчал. «Чем спастись? Как отвлечь сына?» – стучало в висках. Вдруг взгляд упал на соседнюю скамейку, а там посередине стоит непочатая бутылка пива. Интересно, а пиво согревает? С этими мыслями я достала ключи от квартиры и принялась откупоривать находку. Отхлебнув пару глотков, облегчения я, конечно же, не почувствовала, но от холода отвлеклась, тут же подумалось, а что если предложить сыну, в мальчишеской компании он наверняка баловался пивком, и не раз. Увы, нынешние родители далеко не за всем могут уследить. Несколько неуверенно я протянула бутылку, Коля сделал пару глотков, поморщился, выплюнул. Про мороз мы как будто забыли. Наш поезд пришел в свой час, причем на вокзале, кроме нас, не было ни души, мы сели и благополучно уехали.

А спустя какое-то время оказалось, мы пива на дух не переносим. Даже запаха. Так нам открылась бездна Господних щедрот по молитвам Симеона Верхотурского.

Голуби

Провожали Серегу в армию всем поселком. Участковый лично под ручку вел до катера, на котором новобранцев отвезли в окружной военкомат, хотя сам в это время был в отпуске и вроде не при делах. Но надо знать Серегу, чтобы понять, за что ему выпала такая честь.

С детства рос без отца, отчим появился недавно и в воспитательном процессе не только не участвовал, но и всячески избегал его. И надо заметить, не без оснований. Каждая школьная и поселковая дискотека обязательно заканчивалась дракой с участием пасынка, он же в свою очередь остаток буйной ночи обычно проводил в местном отделении милиции, а поскольку его мать там много лет трудилась уборщицей, то, чтобы сыну легче тяготы казенного дома переносить, приволокла из дома старенький матрас. Уже стало традицией, в клуб или школьный спортзал накануне мероприятия приходили два милиционера, которые терпеливо дожидались окончания культурных мероприятий и, соответственно, начала драки, после чего скручивали руки зачинщику, надевая на него тесные старые наручники с еле заметной ржавчиной, и вели в отделение...

Утром составляли протокол, выписывали штраф, вручали квитанцию с цифрами для перечисления денег, строго наказывали: после оплаты занести в участок копию – статистика не должна страдать, отпускали восвояси.

Повестку из военкомата с Серегиной фамилией в маленьком таежном поселке приняли как подарок судьбы. Даже мама облегченно вздохнула, хотя, конечно же, не хотелось ей отпускать единственного сына непонятно куда, но что поделаешь? *Dura lex, sed lex*, что означает: суров закон, но это закон. Проводы были шумными, а чтобы призывник не буянил, фельдшер под видом какой-то сверхнужной прививки ввел ему двойную дозу успокоительного. Благостная физиономия новобранца выглядела настолько необычно, что фотографировались с ним все гости по многу раз, безусловно, для хвастовства, вот, мол, я первостатейному хулигану рога показываю – и ничего.

По прибытии в часть призывник тут же показал свой характер, за что его быстренько отправили на гауптвахту. Потом еще два раза, пока новобранец не попривык к армейским законам. Суровое мужское воспитание в итоге принесло свои плоды, ко времени присяги Серега сделался чуть ли не образцовым солдатом, он стал регулярно слать добрые письма матери, но она в перемену сына не верила, считала, старшие заставляют переписывать с каких-то образцов. В самом деле, где это видано, чтобы ее пацан мог сказать: «Дорогая мамочка». Она много раз пыталась соотнести эту фразу с Серегой и никак не получалось, не хватало фантазии, чтобы представить такое. Вот, например: «Привет, мать!» или «Дай пожрать» или «Здрасьте, старушка»... для подтверждения своих подозрений она показала письма соседке, та согласилась: заставляют писать, и от себя добавила: это правильно, по крайней мере, хоть почерк у парня выправится, а то сплошные каракули, как у непутевого врача.

Армейская жизнь стала солдату нравиться, к тому же выяснилось, что у него одного в части есть водительские права, а это ох как много значит. Поставили водителем. И когда служивый облегченно вздохнул, вообразив себя через пару месяцев личным шофером командира, пришел приказ: их подразделение командировать в Чеченскую Республику, как огласил командир: «Для восстановления конституционного порядка». Ну и от себя прибавил пару, как принято говорить, нецензурных выражений. Но не по поводу особенного случая, нет, просто он всегда изъяснялся так. Да и времена были суровые. Шел 1994 год.

А дальше слово главному герою:

– Как только мы прибыли на место расположения части, меня сразу поставили на «ЗиЛ», машина, судя по боковым вмятинам, уже прошла «обкатку». Но я человек подневольный, возникать не стал, что дали, то и хорошо. Надо было два раза в день, утром и вечером, возить

солдат из части на КПП и обратно, ну еще ездить при всяких непредвиденных случаях типа за продуктами на базу, а один раз даже за боеприпасами. Обычная служба. Там до нас была мясорубка и после, а когда мы там оказались, как раз наступила тишина. Понятно, все расслабились.

Утром я, значит, как обычно, везу смену, прилично уже так отъехал, а в глаза будто кто соли насыпал, не выспался, до двух ночи резались в карты, веки сами слипаются, массирую кулаком, толку ноль. Потер в очередной раз веки и застыл, остановился, даже двигатель выключил. В лобовое стекло невесть откуда стали биться голуби. Много белых голубей. Облепили всю лобовуху. Я открыл дверцу, вышел, чтобы прогнать, глянь, а их нету. Думаю, все, спятил.

Выругался, полез в кабину, и уже ногу занес, когда боковым зрением заметил железяку под передним колесом, развернулся, мама родная, а это мина. И так классно зарытая, что и незаметно с дороги. Я сразу обмяк весь. Вспомнил мать, дом. Родню свою. Когда мама меня провожала, все пыталась крестик повесить на шею, мол, он сбережет тебя, я отмахнулся, куда мне? До первой драки? Тогда она исхитрилась и сунула мне маленькую иконку в пластиковой упаковке, бери, говорит, носи где-нибудь в потайном кармане. Там Сергей Радонежский изображен. Я тогда ухмыльнулся – тезка. А она так серьезно – покровитель. Твой небесный защитник. Ну я чтобы ее не расстраивать, взял. А тут достал, поцеловал, посмотрел вокруг, как раз рассвет занимался, обычный будний день, и так что-то меня прошибло, даже молитву вспомнил, ну и от себя сказал: «Господи, спасибо тебе. Я обязательно что-нибудь хорошее сделаю, раз ты меня ни за что ни про что сберег». Солнечно так стало, но долго любоваться рассветом не дали, солдаты из кузова стали прыгивать, разборки толкать, ты что это самовольный перерыв устраиваешь, мы еще полчаса назад должны были заступить на смену. Я показываю на мину. Они застыли... ну а дальше неинтересно, саперы приехали, все аккуратно вытащили, мне какую-то благодарность выписали. Через две недели нас вернули обратно в Нижний Тагил, где я и дослуживал, там мне аппендицит удалили и много чего произошло.

После дембеля Сергей, как имеющий льготу, поступил в университет и выучился на юриста. Работал судебным приставом, потом в милиции. Сейчас – частный предприниматель, женат, вместе с женой воспитывает троих или четверых детей, по совету духовника помогает заключенным из близлежащей исправительной колонии...

Язык войны

В церковь Гришу привела мама, когда ему, студенту третьего курса исторического факультета, пришла повестка в военкомат. Покрестился, причастился, как сам говорит, в экстренном порядке. Перед медкомиссией хотел было крестик снять, непривычный все-таки атрибут того времени, но сказали: «Не стоит».

О том, что служить ему придется в Афганистане, узнал на таджикской границе. Новобранцы-сибиряки вышли из самолета и увидели непривычный их глазу пейзаж – пустынные пески, людей в халатах, как им показалось, банных, и с полотенцами на голове, вдалеке пасущихся животных, похожих на оленей, позже узнали – ослы...

Привыкнуть к климату не успели, четыре дня им дано было на то, чтобы пройти спецподготовку, после чего их экипировали и направили в «горячую точку».

– Кандагар, – вспоминает он, – очень красивый город, основанный во времена Александра Македонского, там удивительные природа и климат, когда бродил по окрестностям, казалось, попал в библейские времена и одежда людей очень похожа на ту, которую описывают историки. Все время не покидало ощущение, что вот-вот встречу Иоанна Предтечу, и даже непривычно ежился от мысли, что не знаю языка и ничего не смогу ему сказать...

Но очарование дивным краем прошло после первого же боя.

– Когда мы устроились на привал после длительного перехода, на нас напала группа или, как их там, банда бородатых мужиков. Я даже не понял, кто они и откуда и почему им непременно надо нас убить. У одного был такой взгляд, как будто на меня смотрела сама преисподняя. В глазах – лютая ненависть, до сих пор в холод бросает, когда вспомню... В общем, потери мы понесли приличные, причем, что странно, погибли наиболее подготовленные ребята, те, кто занимался карате, борьбой, прыгали с парашютом, а «ботаники», как я, остались целыми и почти невредимыми. Меня после этого боя долго тошнило и хотелось помыться. Не так, как в армии – общий душ, а грезилась баня. Но Афганистан и баня понятия несовместимые.

Уже после, в процессе службы, я стал узнавать, что это за страна такая и люди. И от этих знаний стало мне, откровенно говоря, не по себе. По менталитету, развитию основное население застряло в Средневековье. Многие верят в черную магию, носят с собой амулеты вроде зубов кобры, как стихи, шепчут заклинания.

Считается, если придешь в гости к местным, то они обязаны тебя принять, накормить-напоить. Хотя какая там еда – чай да лепешки. Улыбаются, все хорошо, а как уйдешь, могут догнать и убить. Дома – ни-ни, а за порогом можно. Вот это «нож в спину», что так противно нашему человеку, у них считается едва ли не нормой. А может, и правилом, кто их там знает. И такая двойственность во всем. Помню, в каком-то городке был праздник и плов раздавали прямо на улице. Всем подряд. Ну пошли наши солдатики, я остался в части, брезглив я от природы, уж лучше буду голодным сидеть, чем питаться вот так, ну а есть ребята попроще. Люди как люди. Я их не осуждаю. Каждому свое. Пришли они на площадь, им в пиалы положили из другого котла, при этом раздающие так широко улыбались, ешьте, мол, праздник у нас. Они взяли, но не пришлось им по вкусу, хотя солдатские желудки, известное дело, даже гвозди перемальвают, а тут что-то не то. Один товарищ пересыпал плов в газетку и принес в часть, а мы как раз базировались в здании госпиталя, где много техники всякой, микроскопы, колбы, мензурки... стали рассматривать внимательно «плов», а это рис с мелко покрошенным кирпичом. Вот оно восточное гостеприимство.

На войне как войне. Мечта одна – вернуться домой живым. А тут меня назначили старшим разведгруппы после того, как предыдущая – вся – не вернулась с задания. Я не то чтобы трус, но просто мне впервые в жизни по-человечески захотелось жить. Причем жить у себя дома. Плен хуже смерти. И тут стал я думать о Боге, молитвы, конечно, никакой не знал. Все

мои богословские познания ограничивались двумя словами на нательном крестике – спаси и сохрани. Это главное. И я стал от себя молиться, так честно, как просят дети. Накатила на меня какая-то волна, сначала стало все безразлично, но я снова вернулся к теме смерти, не хотелось родителей огорчать, а больше всего бабушку. Она у меня мировая! Заслуженный донор, между прочим. Это сколько жизней спасла, получается. Ну я так по-наглому, по-другому просто не умел тогда, думаю про себя: «Господи, уж прости, но хотелось бы, чтобы вся моя группа выжила». Конкретно так по именам прошелся. Просил я, чтобы Бог научил меня, как вести себя в тех условиях. Бывало и такое: разведчики все сделают, возвращаются обратно и на mine подорвутся или гюрза сразу двух угробит. Страшное дело – война, особенно когда не знаешь ничего о той местности, где воюешь.

И тут я пошел к костру, где «деды» курили, сам-то я некурящий и даже дыма не переношу, но... ноги сами привели к тем, кто послезавтра должен вернуться в Союз, домой. Разговорились. Они меня, как мальчика непутевого, давай учить. Поскольку народ в Афгане в большинстве случаев неграмотный, а про телефоны в то время даже речи не могло быть, то используется у них язык огня и камней. Например, если посветил ночью огонь факела и резко погас – пришел неожиданный гость, если два, то два, если больше семи – много. Идешь по дороге – смотри внимательно на камни, если три камня на дороге вдоль рядышком – опасность от людей, могут быть мины. Три камня поперек – дорога неожиданно может прерваться, обвал, камнепад. Весь вечер я как губка впитывал эти знания. Ребята рассказывали, как на опыте познали этот язык, по одной и той же дороге могут сновать местные тарантайки туда-сюда – и ничего, а как поедет грузовик с солдатами – взорвется. Целая наука.

На следующий день пошел я на задание и нашел камни и вдоль, и поперек. Сделал зарисовки, потом передал в штаб, когда вернулся.

И такая во мне буря поднялась. Вот это что получается – Господь услышал меня и показал, как выжить. Стал я мечтать хоть какую-нибудь молитву выучить, у меня же воспитание стопроцентно советское, даже дома, когда про себя мурлыкал что-нибудь в ванной, получалось: «Взвейтесь кострами синие ночи»...

В этот же вечер увидел на сослуживце какой-то странный пояс, он носил его под тельняшкой и старательно так прятал, я пошутил, никак, мол, пояс верности, а он, стесняясь, ответил, что специальная молитва на нем написана, которая от всех бед хранит. Попросил посмотреть, а это девяностый псалом. Я тут же его переписал и выучил, слова прямо про нас, золотые: «Наступиши и попериши льва и змия». Стал я читать псалом перед заданием, и все гладко, как говорится, ни льва, ни змия, хотя до этого какой только живности не встречалось, видели и трехногую гиену, и варана с выколотыми глазами – земля войны не умеет щадить людские чувства.

Ну вот вернулся живой. Вы меня сейчас спросите, в какую церковь я стал ходить, когда пришел из армии? Отвечу честно, ни в какую. Вернулся в университет, доучился, в аспирантуру не пошел. Мечтал деньги зарабатывать. Жизнь потрепала, одно время хотел карьеру сделать в областной администрации, и сначала все пошло как по маслу. А потом губернатор сменился, и меня как члена старой команды уволили. Причем быстренько так. Долго ходил безработным, всех виноватил в своих бедах. Постепенно жизнь наладилась, сейчас жена, две дочки, внучка скоро будет, работаю начальником снабжения в нефтяной компании...

Святитель Николай

Накануне Нового года у пенсионерки сгорел дом. Взрыв бытового газа не пощадил и надворные постройки. В считанные минуты они вспыхнули как спички. Пламя уничтожило все: документы, вещи, деньги, взятые в кредит на лечение.

В тот день она не плакала, нет. Не могла. Знакомые удивлялись: как хватило сил это пережить? Любой другой на ее месте давно бы с ума сошел от горя, а Галина закрылась у соседей в доме, куда те пустили на пару недель пожить, и попросила всех оставить ее. «Мне надо подумать», – сказала она. Дочери звонили по нескольку раз на дню: «Мам, может, надо чего?» «Нет, спасибо, мне нужно побыть одной», – был ответ.

А подумать было о чем. Меньше чем за пять лет столько несчастий. Муж из-за тромбоза потерял обе ноги и умер. Трагически погибла четырнадцатилетняя внучка Яночка. Родился внук со сросшимися пальчиками на руках. А у другой внучки вдруг резко ослабло зрение. Пожар стал последней каплей.

И пойти с бедой некуда. Дочери и зятя тянут из последних сил: детям нужны дорогостоящие операции, и откладывать их нельзя. Других родственников в городе нет, они с мужем приехали из Украины в семидесятые по комсомольской путевке. До пенсии работала кассиром. Обратилась в родной профком, ей выделили деньги на одежду. Потому что в злополучную минуту выскочила из горящего дома в чем была.

Надо было что-то делать. Написала заявление в мэрию, но там его «потеряли». А потом и не принимали больше от нее бумаг, говорили: «Мэр находится под следствием, поймите». Но время шло, мэр сел в тюрьму, на его место пришел другой, а Галину все равно отфутболивали под другими предложениями.

Та же судьба постигла и ее просьбу о помощи, оставленную в штабе известной политической партии. Погорелице прилюдно обещали, что «в самое ближайшее время будут приняты меры». Однако помощи она не дождалась. По телефону ей отвечали сначала терпеливо, а потом стали бросать трубку на полужизне.

И тогда несчастная снова закрылась в доме, печку решила не топить – незачем, взяла веревку покрепче – телосложения она немало – и полезла на чердак. В голове пусто, решение давно созрело.

– А ну, куда? – появившийся неведь откуда старик быстро схватил веревку, а ее оттолкнул.

Она упала, но небольно, посмотрела на босые ноги. Подумалось, вроде неудобно так, надо бы носки надеть. Поднялась и пошла на кухню искать. Вернулась, а никого нет... дверь заперта изнутри. Посмотрела на чердачную лестницу, там паутина. Но что за старик? Откуда? Вернулась на кухню, случайно бросила взгляд на хозяйскую икону и застыла. Он! Не могло быть сомнений. Упала на колени и долго плакала. А потом сутки спала как убитая, не слышала даже, как зятя дверь выламывали, потому что на звонки не отвечала. Те посмотрели, жива, вроде здорова, и успокоились. Проснувшись, она еще раз покаялась перед иконой Николая Чудотворца и дала обещание не делать глупостей.

Вместе с дочерьми взяли три новых кредита и начали строить дом. Нанятые рабочие залили фундамент, поставили сруб и даже покрыли крышу. В свободное время вяжет носки и продает. Она верит, что построит дом. Хотя надеяться ей, кроме Бога, не на кого. А Он нам прибежище и сила...

Бездна для девочки

Мы лежали с ней в больнице. Две Оли. Фамилии наши были схожи, в смысле – труднопроизносимые. Одинаковые прически и цвет волос, и даже детство оказалось во многом схожим, я рассказала ей о своей подруге, а она о своей, вот тут мы разошлись. Эта история настолько потрясла меня, что я решила ее записать.

– В детстве ее звали Снегурочкой. И не только за молочный цвет волос, к которым, понятное дело, подбиралась одежда нежнейших цветов, но и за ангельский характер. Юлька могла часами играть в песочнице, сохраняя при этом стерильный вид. Она никогда не ломала кукол, не любила страшных сказок, и еще Юля никогда не устраивала истерик.

Здесь моя собеседница делает паузу и, многозначительно посмотрев на меня, продолжает:

– Мои родители, глядя на нее, вздыхали: «Кому-то дети – в подарок, а кому-то – в наказание...» Дело в том, что мы с Юлькой были не только соседками, но и сверстницами. И это сравнение было не в мою пользу. Помню, как-то у мамы были срочные дела, и она попросила Юлькину бабушку за мной присмотреть. А на улице стояла моя любимая погода – последождевая. Я, надев резиновые сапоги, пошла измерять лужи. Первые три, как сейчас помню, были мне до колен, вровень с сапогами, а четвертая оказалась глубокой, и вода налилась в сапоги. Я в таком виде пришла домой. О, что творилось с Юлькиной бабушкой! Ее словно парализовало! Она стояла передо мной минуты две или три не в силах издать ни звука. А вечером маме за чаем рассказывала: «Я пятьдесят восемь лет живу. У меня две дочери и трое внуков. Всякое видела. Но такого мокрого и грязного ребенка, как пришла Оля с прогулки...»

Потом наши семьи разъехались, но моя мама с Юлькиной переписывалась. Юлькина мама жаловалась моей, что ее дочь растет замкнутой и стеснительной, что у нее только одна подружка, каждую ссору с которой она тяжело переживает. Моя же мама писала, что друзей у меня около двух десятков, что я редко бываю дома, а мои любимые игрушки – сабля и пистолет.

Перед школой, когда мне уже купили форму и портфель, пришло сообщение: Юлька ослепла.

По правде говоря, трудно было представить, что глаза цвета майского неба, обрамленные пушистыми ресницами, ничего не видят. «Мам, – спросила как-то я. – А Юлька солнце видит?» В ответ мама категорично покачала головой. Время шло, а вместе с ним безвозвратно уходило детство. Первые дискотеки. «Любит – не любит»... Временами я думала о Юльке, и мне было ее нестерпимо жаль...

Конечно, я знала из письма, что Юля очень хорошо читает по Брайлю, что она прекрасно играет на рояле. И даже на каком-то большом концерте выступала. Но ведь музыка, пусть даже написанная самыми великими композиторами мира, не может заменить того, что дает нам зрение!

Как-то ее мама послала нам фотографию. На ней повзрослевшая Юля (еще красивей, чем в детстве) сидит за роялем и смотрит куда-то вдаль... Помню, я долго плакала, глядя на нее. Конечно, мама Юли обращалась к медицинским светилам, гадалкам, знахаркам, прорицателям, даже к шаману в надежде вернуть зрение дочери, но каждый такой порыв обходился дорого в финансовом плане и очень тяжело – в моральном, потому что становилось хуже. Никто из них не смог помочь.

Вконец отчаявшись, Юлькина мама решила пожить с дочерью в Свято-Троицком Серафимо-Дивеевском женском монастыре, известном многими чудесными исцелениями. С тех пор переписка прекратилась, и о том, как сложилась судьба подруги детства, я сведений не имела. Прошло ни много ни мало семь лет!

...Накануне Дня Победы город убрали особенно тщательно. Как-никак круглая дата. Я иду по улице и вдруг... Мамочка дорогая! Юлька собственной персоной. Без тросточки, как я ее представляла, и даже без очков. А может, это не она? «Юля!» – кричу на всю улицу. Девушка поворачивается. Сомнений быть не может. Она самая. И вот мы стоим вдвоем, обнявшись, среди потока вечно спешащих людей. Для нас время остановилось. В этот миг были только мы и Солнце, что в самом-самом зените. Прямо над нами!

В кафе мы пришли, взявшись за руки, как маленькие первоклашки, и там я услышала удивительную историю. Прожив два года в монастыре, Юля не только вернула стопроцентное зрение, но и нашла много друзей, научилась читать на церковнославянском. Полноценно жить...

Колесо

Читать «Отче наш» перед каждым занятием, каждой строчкой, в которой сомневаешься, говорил мне человек, который буквально за руку привел меня на филологический факультет – Константин Яковлевич Лагунов, сибирский писатель-легенда. Он посмотрел мои заметки – а я в то время получала другое образование и в газете пока подрабатывала, – сказал, вот это твое. Так редко в наши дни человек находит свое дело. «Оля, поздравляю, ты нашла себя». Это было, как мне тогда казалось, неуместно, у меня хорошо шла высшая математика, я «дружила» с формулами химии и физики. Но по его совету я все же сходила в Знаменский кафедральный собор и у иконы «Знамение» попросила, если это моя судьба, пусть Богородица мне поможет поступить, куда советует умудренный жизнью писатель. По сути, я не рисковала ничем, документы с предыдущего вуза забирать не собиралась, у меня к тому времени было еще и среднее специальное образование, эти-то «корочки» я и отнесла в приемную комиссию за день до окончания приема документов. Готовиться к вступительным экзаменам у меня попросту не было времени, а в назначенный день еще и не выспалась, под окном загорелся гараж, и его почти всю ночь тушили. Но – о диво дивное – мне выпал билет по Замятину, считавшийся провальным для всех, но не для меня – любимый писатель! Плюс там были задания по русскому языку, которые за давностью уж и не припомню. Вижу даже сейчас через призму лет лица женщин-экзаменаторов, они обещали, что если хоть что-нибудь по теме скажу, «троечку» мне «натянут». Я сердечно поблагодарила. В итоге моя «пятёрка» в том году по русскому языку и литературе устно была единственной в абитуриентском потоке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.